

№ 131

ЧУВАШСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

№ 131
Б/7

Н. В. Никольскій.

ВЗГЛЯДЪ ЧУВАШЪ

НА

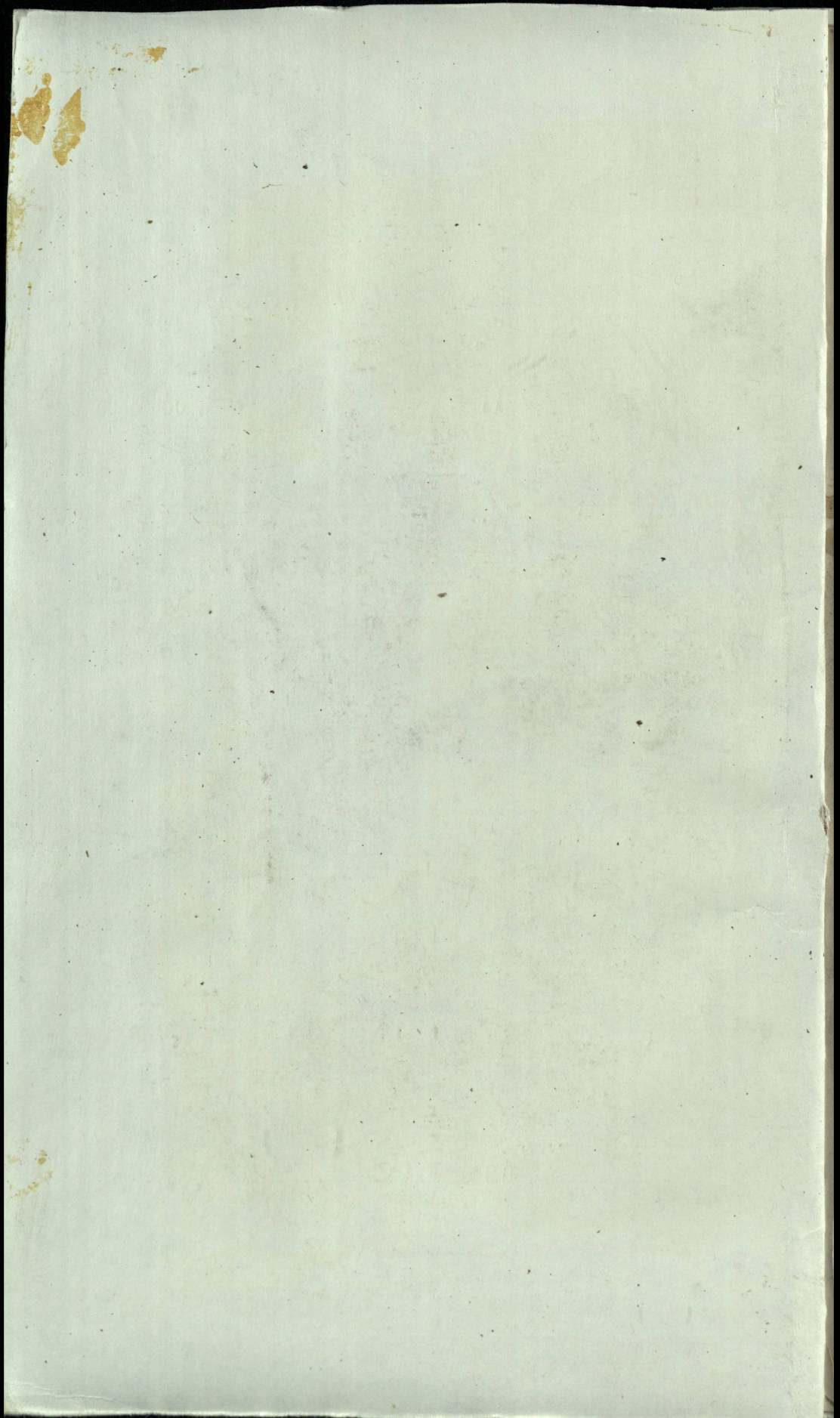
РАСКИСКУЮ ПОВИННОСТЬ.

КАЗАНЬ.

Центральная типографія.

1905.

Н. В. Никольскій.

ЧУВАШСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Казань

ВЗГЛЯДЪ ЧУВАШЪ

НА

ВОИНСКУЮ ПОВИННОСТЬ.

КАЗАНЬ.

Центральная типографія.

1905.

ЧУВАШСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Казань Чувашской АССР

Печатать дозволяется 8 февраля 1905 г. Ректоръ Академіи
Епископъ *Алексій*.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Православный Собесѣдникъ»
за 1905 годъ.

Взглядъ чувашъ на воинскую повинность.

Произведенія народной чувашской словесности и факты живой дѣйствительности даютъ богатый матеріалъ для характеристики взглядовъ чувашъ на воинскую повинность. Почти всѣ языческія молитвы начинаются: „на небѣ-Богъ, на землѣ-царь“. Оба эти существа обладаютъ неограниченною властію: какъ на небѣ все зависитъ отъ Бога, такъ все земное управляется царемъ. Отсюда обязанности человека по отношенію къ Богу должны состоять въ религиозномъ почитаніи, а по отношенію къ царю—въ повинностяхъ. Чувашская сказка Ядринскаго уѣзда приводитъ, такъ сказать, естественныя основанія въ пользу послѣдней мысли. Жила-была охотничья семья. Кормилась она тѣмъ, что давала охота. Жилось ей ни богато ни бѣдно. Но вотъ семья размножилась: однихъ сыновей въ ней стало 30 человекъ. Всѣмъ стало ясно, что охотой не прокормишься, стали думать и гадать о средствахъ къ существованію. Одинъ изъ сыновей говоритъ отцу: „батюшка, поди ты къ царю, попроси у него земли“. Отцу понравился совѣтъ сына. Идетъ онъ къ царю и получаетъ просяемое. Отнынѣ вся семья ушла въ земледѣліе. Такъ какъ земля была царская, а не собственная, нужно было отблагодарить за нее царя. Земледѣльцы обязались платить царю и натурой и деньгами. Взаимныя отношенія царя и подданныхъ устанавливаются самыя близкія и тѣсныя. Чуваша служатъ царю, а онъ ихъ хранитъ, питаетъ и защищаетъ. Въ основѣ отношеній лежитъ искреннее и глубокое чувство любви. Характерно выражено оно въ одной изъ молитвъ чистопольскихъ чувашъ. „У насъ“, говорится въ ней, „есть великій, могущественный повелитель и судія—великій царь Николай Александровичъ. Если

во имя Божіе и царское повелятъ итти въ огонь, пойдѣмъ въ огонь и будемъ его единомысленниками. Воля царя—воля Божія. Его повелѣнія исполняемъ какъ его дѣти. Его законъ святъ, силенъ, благъ, справедливъ, страшень. Отецъ грозитъ дѣтямъ пальцемъ, чтобы они стали добрыми, (такъ и законъ) грозитъ и устрашаетъ; чтобы мы росли, подаетъ хлѣбъ; чтобы стали благими, мудрыми, учить. Ему (царю) повинuemся какъ земному Богу. Слушаясь его какъ дѣти, ждемъ любви и милости. Кто ему не подчиняется, пусть будетъ несчастнымъ, онъ пусть съ нами не стоитъ. Сердце царя чисто, настроеніе доброе, слово истинно. Когда у насъ нужда—нѣтъ хлѣба, подаетъ хлѣбъ, нѣтъ лошади, даетъ лошадь, нѣтъ дровъ, даруетъ дрова. Если и не видно (самого) царя, видна его милость“.

Эта въ высшей степени патриотическая молитва у чувашъ сложилась подъ влияніемъ изданій Правосл. Мис. Общ. на чувашскомъ языкѣ, каковы: „Православный воинъ Божій“, „Георгій побѣдоносецъ“ и др.

Въ старину, когда этотъ факторъ отсутствовалъ, чуваша считали воинскую повинность унижительной для себя. Невѣста, отказывая жениху изъ солдатъ, обыкновенно говорила: „Ты носишь солдатское имя, не пойду за мужъ за тебя“. Солдата чуваша представляли глупымъ. „У солдата нѣтъ ума даже столько, сколько его есть у козы“. Чувашское общественное мнѣніе относительно солдатчины было одной изъ причинъ членовредительства у лицъ призывного возраста стараго времени.

2
Въ настоящее время, благодаря переводамъ и школь съ православно-христианскимъ направленіемъ, эти явленія отошли въ область преданій. Нынѣ солдата считаютъ слугой самого царя; службу военную—завидной долей, которой нужно лишь желать. 23 октября 1904 г. одинъ чувашинъ Козьмод. у. пишетъ моему казанскому родственнику. „Я нынче присва“ (на призывѣ) „былъ. Господа Бога добраго здоровья“ (Благодаря Господу Богу нахожусь въ добромъ здоровьи). „Слава Богу, солдатъ“ (въ солдаты) „приняли“. Другой чувашинъ (изъ дер. Юрмик., Ядр. у.) скорбитъ о томъ, что у него нога не излечится до призыва и высказываетъ такое желаніе: „хоть бы до солдатства зажила, а то—какой я воинъ!“. Религиозно-патриотическій взглядъ лежитъ и въ основѣ слѣдующаго факта, имѣвшаго мѣсто въ дер. Руковкиной, Ядр. у. Въ семьѣ М. Макс. заболѣлъ сынъ. Мужъ обращается къ женѣ: „говорятъ: Богъ внимаешь молитвѣ матери: помолись о болящемъ“. Мать отправляется на гумно и, стоя на току, молится:

„Господи, Господи, не остави, помилуй. Да будет онъ (болящій) годнымъ (для службы) царю“.

Религиозно-патріотическій взглядъ чувашъ на воинскую повинность проходитъ чрезъ весь солдатскій ритуаль. Правда, въ церемоніяхъ, сопровождающихъ проводы рекрута, много субъективнаго, эгоистическаго; здѣсь мы слышимъ скорбное пѣніе; здѣсь высказывается нежеланіе молодца итти на службу. Но это объясняется его привычкою къ дому, постояннымъ домоѣдствомъ, которое и среди русскихъ рекрутовъ обусловливаетъ цѣлый рядъ печальныхъ обрядовъ. Наряду съ эгоизмомъ слышится и патріотизмъ. Въ пѣсняхъ рекрута мы видимъ ясное указаніе и на то, что служба царю необходима и, если молодца зачислили въ солдаты, отказываться онъ не въ правѣ. „Богъ предопредѣлилъ, царь повелѣлъ“, значить и возражать нечего: требуется безпрекословное повиновеніе. И чувашинъ покоряется.

Въ октябрѣ и ноябрѣ „йат тухнисем“ собираются въ указанные имъ пункты. Чуваша Буин. у. на пути въ сборный пунктъ въ полѣ кидаютъ трижды серебрянную или мѣдную монету. Если монета 2 или 3 раза упала верхъ орломъ—быть добру, если платой—быть худу. Медицинское освидѣтельствованіе дѣлится собравшихся на двѣ неравныя группы: способныхъ и неспособныхъ. Здѣсь было бы очень кстати привести сравнительную статистику для показанія степени годности для военной службы чувашъ и другихъ инородцевъ, но воздерживаемся по недостатку матеріала провѣреннаго, надлежащимъ образомъ проанализированнаго. Упомянемъ лишь вскользь, что среди чувашъ способныхъ къ военной службѣ оказывается меньше, чѣмъ среди татаръ и мордвы, хотя нѣкоторые чуваша предъ призывомъ стараются во что бы то ни стало улучшить питаніе. (Сообщеніе изъ Цив. у.).

Какъ бы то ни было, общее правило среди призывающихся таково: кто забракованъ, тотъ долженъ угостить водкой лицъ, призванныхъ на службу, и, сверхъ сего, на него же возлагается обязанность развезти новобранца по его роднымъ и знакомымъ. Первая обязанность справляется немедленно, вторая—по мѣрѣ возможности.

Обѣ группы лицъ, призванныхъ на службу, возвращаются въ свои деревни на другой день послѣ медицинскаго осмотра.

При вѣздѣ молодцевъ въ деревню воздухъ оглашается громкимъ: „кайрам, кайрамъ“ („ушелъ, ушелъ“). Это даетъ поводъ однодеревенцамъ собраться въ домъ, гдѣ жилъ призываемый на службу. Начинаются разспросы, а

если молодец затужилъ сильно, утѣшенія и приглашенія въ гости. Обычай требуетъ, чтобы призываемый на службу посѣтилъ по возможности всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Визиты въ Бугульм. у. отправляются такъ же, какъ и у татаръ, съ помпой. Молодца везутъ на тройкѣ съ пѣснями и музыкой. Новобранцу не полагается сидѣть молча: онъ долженъ пѣть. Приводимъ тектъ пѣсни въ русскомъ переводѣ.

Въ 7 деревняхъ 7 зятей.
Седмичные заборы устройте.
Меня спасите и оставьте.
На семь душъ семь тетушекъ
7 палатокъ раскиньте.
Меня защитите и оставьте.
На 7 душъ 7 дядей
Лошадей запрягите.
Меня проводите“.

(Пѣсня чувашъ с. Сунчел., Чист. у.).

Хозяева должны надѣлать молодыхъ гостей платками, перчатками, рубашками, чулками, орѣхами, сушками и холстомъ. Въ Тетюшскомъ у. на одного рекрута добровольныхъ пожертвованій приходится: по 7—8 паръ рубашекъ и кальсонъ, нѣсколько портянокъ, 4—5 полотenceвъ и 10—15 рублей. Наканунѣ отъѣзда на службу въ Бугульминскомъ уѣздѣ бываетъ такой обычай: съ головы рекрута срѣзаютъ пукъ волосъ, кладутъ вмѣстѣ съ монетой въ платокъ и подвѣшиваютъ къ потолку въ клѣти. Въ Чебоксарскомъ и Цивильскомъ у. къ нимъ подвѣшивается еще горбуль „моленного хлѣба“¹⁾.

Въ день проводовъ молодецъ въ домѣ его родителя собираются всѣ родные. Не являются лишь враги, одни по ложному стыду, другіе—по непримиримой враждѣ. До прибытія гостей комната бываетъ убрана по праздничному. Въ переднемъ углу, у оконъ стоитъ свѣча, у богачей она горитъ весь день, у бѣдняковъ лишь въ моментъ прощанія.

На столѣ справа полагается хлѣбъ съ солоницей, слѣва ведро съ пивомъ. Около этихъ предметовъ группируются гостинцы пріѣзжихъ родственниковъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является новобранецъ. Во имя его и во здравіе его потчуются гости. Ему должны удѣлять главное вниманіе, сострадать его горю и произносить посильныя утѣшенія.

¹⁾ О немъ см. ниже.

„Не хочется“, поетъ новобранецъ, „итти въ солдаты,
Не хочется разлучаться съ однодеревенцами,
Мельничный камень тяжелъ, каково то поднимать его.
Мое горе велико, каково-то переносить его“.

21 годъ онъ провелъ въ кругу своихъ односельчанъ и вотъ теперь его зовутъ куда-то въ дальнюю сторону, и не на 2—3 дня, а на цѣлые годы. „Ахъ батюшка, матушка“, поетъ чист. чувашинъ, „не на 3 дня, а на вѣкъ“. Останется-ли онъ на чужбинѣ живъ? Увидитъ-ли хоть еще разъ тѣ лица, которыя привыкъ созерцать 21 годъ. Теперь эти лица ему какъ-то милѣе; то, что прежде казалось и обыкновеннымъ и зауряднымъ, теперь получаетъ новую окраску. Въ головѣ рекрута проходитъ цѣлый рядъ событій изъ личной жизни, цѣлая серія разговоровъ съ разными лицами. Раздирается сердце молодого человѣка при мысли о томъ, что онъ не такъ дорожилъ родными, какъ слѣдовало дорожить, не такъ относился къ нимъ, какъ слѣдовало относиться: нужно было любить всѣхъ, называть нѣжными именами; старшихъ слѣдовало холить и почитать, младшими руководить въ ихъ работахъ. И какъ это онъ раньше не могъ додуматься до этихъ простыхъ истинъ? О если бы была дана возможность еще 3 годочка пожить въ привычномъ кругу! но поздно... прошлого не воротишь.

„Ахъ, батюшка, ахъ, матушка,
Какъ мнѣ съ вами разстаться?
Что мнѣ дѣлать, что предпринять?
Ничего нельзя, ничего.
Рвалъ и ѣлъ я калину—
Съ знакомыми, сверстниками разставался;
Рвалъ и ѣлъ я клубнику—
Разставался съ родимой стороной ¹⁾
Шумитъ вода, шумитъ, течетъ,
Шумитъ вода, а берегъ остается,—
Вотъ и намъ бы такъ остаться“!

Молодецъ сѣтуетъ даже на то, что родился на свѣтъ:

„Чѣмъ терпѣть такое горе,
Ужъ лучше бы сухимъ сучкомъ стать,
Упасть отъ осенняго вѣтра,
Уплыть съ вешней водой;

¹⁾ Собственно: „съ землей и водой“..

Чѣмъ, бы мнѣ матушкинымъ сыномъ быть,
Стать зеленой коровкой ¹⁾;
Сорвать бы добрый человѣкъ,
Да съѣлъ бы съ удовольствіемъ“.

„Тяжела солдатская служба“, поетъ онъ въ тоскѣ.
Его фантазіи представляется, что на чужбинѣ вотъ-вотъ
придутъ къ нему отецъ и мать, обнимутъ его и вмѣстѣ
съ нимъ поплачутъ надъ его горемъ: но они далеко:

„Среди поля старый дубъ.—
Подумаль я, что батюшка, и подошелъ:
Не сказалъ онъ мнѣ: поиди ко мнѣ сынокъ,—
То не былъ мой отецъ!
Среди поля старая береза,
Подумаль я, что матушка, и подошелъ,
Не сказала она мнѣ: приди сынокъ.
Среди поля молодое деревцо,
Подумаль я, что старшій братъ и подошелъ,
Не сказалъ онъ мнѣ, поиди ко мнѣ братецъ.
Вѣтви ветлы—старшія сестры,
Какъ разстанусь и уйду.
Охъ, только бы мнѣ, Господи, Господи“.

Грустно и тяжело на душѣ у тѣхъ, которыхъ упоминаетъ пѣсня. Невольная слеза пробивается у зрителей.
Среди общихъ сѣтованій раздается голосъ мужика:

„Что такое человѣкъ, не бывшій въ солдатахъ?—дуракъ, пень. А поидеть въ солдаты, увидить свѣтъ Божій, научится говорить по-русски, исполнить долгъ свой и предъ Богомъ и царемъ. А что толку въ насъ мужикахъ?—мы не знаемъ даже и того, что происходитъ у насъ на гумнѣ“.

„Не печалься“, молодецъ, „Богъ дастъ вернешься“.
Смерть, гдѣ бы ни была, одна и та же.
Мы всѣ смертны;
Безсмертенъ только міръ Божій“.

Что-нибудь въ этомъ родѣ старается произнести уходящему новобранцу каждый благоразумный чувашинъ.
Въ своихъ утѣшеніяхъ онъ старается отгнать ту мысль, что на военной службѣ молодой человѣкъ служить не простую службу, а царскую. Подъ вліяніемъ утѣшитель-

¹⁾ Растеніе.

ныхъ словъ разсудокъ новобранца начинаетъ строить слѣдующія умозаключенія. „Въ самомъ дѣлѣ эта служба-великое дѣло. Кто на землѣ выше царя?—никто. Есть-ли на землѣ государство больше Россіи?—нѣтъ. Значитъ и служба русскому царю и государству не можетъ быть приравниваема къ какой бы то ни было другой службѣ“.

Предпосылки разсудка однако не въ силахъ укротить непокорное сердце. Послѣ нѣкотораго перемирья оно снова начинаетъ свою работу.

„Въ полѣ мельница вертится,
А какъ сыплется мука не видать.
У меня внутри горитъ огонь,
А какъ пылаетъ пламя, не видно.
Утромъ падаетъ морозъ,
Зеленая трава бѣлѣетъ;
У молодой головы грусть велика,
Красное сердце становится бѣлымъ“

(Бун. у.)

Расчувствовавшійся новобранецъ каждому изъ сидящихъ въ избѣ произноситъ что нибудь на прощаніе. Его особеннымъ вниманіемъ пользуются мальцы. Въ деревнѣ Сесъмеръ, Ядрин. у., рекрутъ подходилъ къ нимъ и дарилъ подсолнечникомъ, орѣхами, сушками, приговаривая: „придетъ время и изъ васъ многіе уйдутъ на службу; поэтому теперь смотрите и учитесь. Когда выростете, и вы нужны будете для службы Богу и царю, и вамъ придется подобнымъ же образомъ разставаться съ родительскимъ домомъ“.

Нѣсколько словъ удѣляетъ молодецъ и своимъ ненавистникамъ. „Гдѣ они теперь? почему не здѣсь? почему хоть въ этотъ послѣдній моментъ не хотятъ они по человѣчески отнестись ко мнѣ?—но Богъ имъ судія! Я не имѣю зла противъ нихъ“.

За этимъ слѣдуетъ религіозная сторона солдатскаго ритуала. Преобладающимъ элементомъ здѣсь являются молитвы и благопожеланія. Начало имъ полагаетъ самъ рекрутъ. Онъ беретъ со стола непочатый хлѣбъ, встаетъ на колѣни и молится про себя приблизительно такъ: „Господи, ты доселѣ хранилъ меня въ здоровьи и счастіи, ниспосылалъ изобиліе хлѣба. Господи, и впредь сохрани въ счастіи и довольствѣ, дай мнѣ обратно вернуться домой. Тебя, благій и великій Господи, вспоминаю надъ большимъ хлѣбомъ. Сохрани меня въ пути моемъ, Господи“. Въ это время

присутствующие въ избѣ пьютъ пиво и ведутъ между собою обыденные разговоры.

Окончивъ молитву, рекрутъ срѣзаетъ краюшку хлѣба, цѣлуетъ ее, кладетъ на солоницу. Въ это время кто-нибудь изъ родныхъ беретъ краюшку и уноситъ ее въ клѣть. Моленный хлѣбъ рекрутъ разрѣзаетъ на маленькіе ломтики и раздаетъ присутствующимъ. Получатель обыкновенно отламываетъ частичку отъ хлѣба и ждетъ момента, когда раздача хлѣба кончится. Улучивъ этотъ моментъ, всѣ разомъ встаютъ на молитву. Каждый молится, какъ умѣетъ. Разобрать текста этихъ молитвъ нѣтъ возможности въ виду общаго шума, да и нѣтъ для насъ особенной надобности. Интереснѣе молитва печальнаго родителя рекрута. „Ну... стало быть... Господи, сумѣлъ вырастить, дай ему быть годнымъ и для царя. Господи, Господи, верни наше дѣтище назадъ, дай ему счастливой жизни“.

Послѣ этой молитвы кусочки молитвеннаго хлѣба съѣдаются. Начинается та же обрядность и съ пивомъ, съ тою лишь особенностью, что каждый участникъ трижды сливаетъ въ сосудъ изъ своего ковша, высказывая при этомъ такое пожеланіе: обиліе пива—столу, счастье путешествія уходящему молодцу“. Затѣмъ трижды отпиваетъ; рекрутъ каждый разъ долженъ доливать. Послѣ этого приступаютъ къ пиву и гостинцамъ родныхъ. Наконецъ, слѣдуетъ прощаніе рекрута съ родными. Въ Петровскомъ уѣздѣ рекрутъ съ женою и родственниками усаживаются за столъ, пьютъ водку и закусываютъ. Затѣмъ всѣ встаютъ на молитву. Родители благословляютъ сына иконой, и прощаются съ нимъ. Въ Цивильскомъ у. рекруты-язычники при прощаніи съ матерью цѣлуютъ у нея грудь, далѣе обходятъ столъ, цѣлуютъ печку. Въ дер. Сесьмерь, Ядр. у., рекрутъ, простившись съ родными, поспѣшно вышелъ на дворъ и тамъ посрединѣ двора сдѣлалъ три земныхъ поклона и проговорилъ молитву: „родимый домъ, сегодня у меня день разлуки съ тобой. Господи, Господи, пошли мнѣ хорошіе дни, дай совершить дѣло Божіе и царское, не отдѣли отъ этого дома... Господи, дай черезъ 5 лѣтъ увидать родину“.

Пока рекрутъ одѣвается въ дорогу, ему то и дѣло подносятъ ковши съ пивомъ. Интересно при этомъ прочитаніе матери. „Выпей, сынокъ; въ мѣстахъ путешествія захочется и попить и поѣсть, но никто не скажетъ: попей“. Послѣднія слова еле выговариваются; сильная скорбь не даетъ договорить всѣхъ нахлынувшихъ мыслей.

Если во время этого угощенія изъ рукъ новобранца выпадетъ ковшъ, быть худу.

Еще разъ всѣ встаютъ на молитву, кладутъ по 3 земныхъ поклона; снова прощаются и медленно выходятъ на дворъ. Къ этому времени дворъ бываетъ биткомъ набить народомъ. Собираются и старики и молодые, и мужчины и женщины поглазѣть на рекрута. Послѣдній, обведя всѣхъ своимъ взглядомъ, поетъ:

„Полонъ дворъ деревенской семьи.

Всѣ смотрятъ на меня.

Ахъ, не браните, старцы,

Ахъ, не браните, молодцы,

Ахъ, не браните, родные,

Всѣ пожелайте мнѣ добра.

Не плачь обо мнѣ, батюшка,

При тебѣ остается мой братецъ,

Не плачь обо мнѣ, матушка,

При тебѣ будетъ моя сестрица.

Что объ насъ плакать, матушка:

У насъ рубаха казенная.

Я не дойная корова:

Безъ меня не высохнешь“.

Пѣвца со всѣхъ сторонъ надѣляютъ деньгами. Въ Тетюшскомъ у. рекрутъ въ этотъ моментъ набираетъ 7—8 рублей.

Протившись съ однодеревенцами, рекрутъ садится въ сани или телѣгу, смотря по погодѣ, и поѣздъ трогается. Толпа идетъ за рекрутомъ.

Новобранецъ поетъ импровизацію, вродѣ слѣдующей:

„У бѣлаго яйца нѣтъ шва,

Предстоящій намъ путь не имѣетъ конца.

Утренние вѣтерки прохладны,

Они сметають цвѣтки у льна.

Изъ города въ городъ идетъ бумага,

Она проливаетъ наши слезы,

Изъ желтаго камыша устраивають вешки,

Выносятъ и ставятъ на большой дорогѣ,

Безталанныхъ, какъ мы, молодець

Выходятъ провожать на большую дорогу“.

Въ Тетюш. и Бугульм. у. процессія завершается около полевыхъ воротъ. Рекрутъ сходить съ телѣги или саней, крестится трижды, кладетъ земной поклонъ, цѣлуетъ столбы воротъ и говоритъ послѣднее „простите“ въ такой формѣ: „будьте здоровы до моего возвращенія къ вамъ“. Въ отвѣтъ

на это однодеревенцы даютъ наставленіе: „во время отъѣзда не оборачивайся и не смотри назадъ; кто оборачивается и смотритъ назадъ, тотъ не возвращается обратно“.

Въ Цив. и Ядр. уѣздахъ послѣднее прощаніе рекрута съ односельчанами совершается за околицей, около загона, принадлежащаго рекруту. Доѣхавъ до загона, чувашинъ Цив. у. трижды обходитъ сани, бросаетъ на землю яйцо съ произношеніемъ какихъ-то словъ. Въ Ядр. у. рекрутъ встаетъ на колѣна и, обращаясь къ загому, молится такъ:

„Добрая земля и вода,
Не разлучай меня съ собой:
Черезъ 5 лѣтъ привлеки меня къ себѣ,
Дай придти съ сохой и телѣгой, полной хлѣба“ (для поѣвѣ).

Обращаясь къ востоку, колѣнопреклоненный рекрутъ говоритъ:

„Господи, сохрани меня въ счастья,
Не разлучай меня съ родимой стороной.
По крайней мѣрѣ хоть до моего прибытія
Сюда сохрани мѣръ въ спокойствіи.
Господи, возврати меня на эту родину
Ради желанія всего народа, стоящаго здѣсь“.

Влѣдъ за этимъ рекрутъ цѣлуетъ землю и его усаживаютъ въ сани. Вставать съ земли самъ рекрутъ не долженъ: не возвратится со службы. Если же его поднимутъ другіе, умретъ на родной землѣ и тогда такъ же, какъ теперь, поднимутъ его родные и проводятъ на кладбищѣ.

Здѣсь конецъ солдатскихъ церемоній. Народъ отдаетъ послѣдній поклонъ рекруту и при пожеланіи: „уходящій солдатъ пусть будетъ на мѣстѣ назначенія“ возвращаетъ ся въ деревню.

Пустынные поля, свистъ холоднаго вѣтра и исчезающія одна за другой вѣшки наводятъ солдата на грустныя думы. Нить, связывавшая его съ домомъ, порвана.

Что-то ждетъ его впереди?!

Плохо приходится на службѣ тѣмъ чувашамъ, которые не знаютъ по-русски, особенно когда ихъ пошлютъ въ такой городъ, гдѣ нѣтъ ни одного солдата изъ чувашъ: некому разъяснить во-время воинскаго дѣла, толково рассказать объ обязанностяхъ службы. Не мало приходится терпѣть непонимающему русскаго языка инородцу при ученіи, при возвращеніи съ ученія, не говоря уже о ка-

зарменной жизни. Гораздо лучшую долю испытывает тот чувашинъ, который понимает хоть нѣсколько словъ изъ русскаго лексикона. Такой къ концу службы начинаеть довольно правильно объясняться по-русски. Нѣкоторые даже научаются читать и писать. Тамъ, гдѣ среда болѣе или менѣе развита въ нравственномъ отношеніи, вырабатываются люди набожные, аккуратные исполнители правилъ церковныхъ. Чувашинъ д. Актай, Ядр. уѣз., Федоръ Петровъ, служившій между 1855—1873 годами, не знавшій ни читать ни писать, на службѣ приобрѣлъ и то и другое знаніе. Примѣръ хорошаго офицера, у котораго онъ былъ въ учебѣ, повліялъ на Петрова: онъ аккуратно посѣщатель богослуженія въ праздники и занимался чтеніемъ евангелія въ свободное время. Къ сожалѣнію, эти примѣры единичны. Сказки чувашъ, касающіяся солдатскаго житья-бытья, сѣтуютъ на неблагопріятную нравственную атмосферу службы, на невозможность получения здѣсь надлежащаго нравственнаго развитія. Солдатскія нѣсни и письма домой находятъ деревенскую жизнь лучшей, чѣмъ солдатскую въ городѣ. Сердце солдата рвется къ деревнѣ, съ нетерпѣніемъ онъ ждетъ часа свиданія съ домашними.

Того же ждутъ и домашніе. Послѣ ухода мужа на службу жена скорбитъ около недѣли. Есть чувашки, которыя въ этихъ случаяхъ держатъ себя истыми спартанками. „Благодареніе Богу“, говорила одна солдатка—чувашка Ядр. у., „мужъ пригодился царю“. Въ отсутствіе мужа жена солдата и родные время отъ времени заглядываютъ въ платокъ, находящійся въ клѣтѣ. Если деньги не попортились, заключаютъ: нашъ „солдатъ живъ и здоровъ“; если потускнѣли,—„должно быть хвораетъ“.

Незамѣтно проходятъ годы службы. Въ деревнѣ приблизительно высчитываютъ день и часъ возвращенія солдата.

Вотъ онъ явился. У всѣхъ радостныя лица. Сіяющій отецъ не знаетъ что предпринять. Его выводятъ изъ затрудненія мужики: „купи $\frac{1}{4}$ ведра водки“. Начинается пирь. Повѣсть солдата о видѣнномъ и слышанномъ чуваша готовы слушать всю ночь на-пролетъ.

При возвращеніи солдата со службы не обходится безъ курьезовъ. Пользуясь преувеличеннымъ мнѣніемъ однопорученцевъ о живущихъ въ дальней сторонѣ, солдатъ во всеуслышаніе заявляетъ чувашамъ по-русски: „я не

знаю по-чувашски“; сколько бы ни спрашивали его, онъ все твердить свое. Дѣлать нечего, однопоручики зовутъ толмача. Начинаются вопросы и отвѣты. Солдатикъ превозноситъ себя до небесъ. Всѣ слушаютъ его съ изумленіемъ. Скептики расходятся недовольные бахвальствомъ служиваго. „Гдѣ это служилъ онъ? въ какомъ мѣстѣ? Вѣдь никто же изъ возвратившихся со службы ничего подобнаго о себѣ не говорилъ. Этотъ ужъ черезчуръ много видѣлъ: „мы“, говорить, „каждое утро подпирали солнце рычагами. Солнце“, сказываетъ, „состоитъ изъ золотого чугуна, серебряныхъ зубовъ, мѣдной оси. Въ телѣгу впрягаются 3 лошади; въ нее садится семикрылый сѣдокъ“. Этого не можетъ быть. Не вѣрится что-то“.

Не мало смущаетъ чувашъ и то обстоятельство, что ихъ соплеменникъ позабылъ родной языкъ. Въ 1903 г. вернулся со службы чувашинъ—солдатъ, служившій въ Портъ-Артурѣ. Дѣло происходило въ дер. Юрмикейкиной, Ядр. у. Служивый Иванъ Якимовъ категорически заявилъ, что не знаетъ чувашскаго языка. Это показалось юрмикейкинцамъ немножко страннымъ. „Какъ это“, говорили они, „есть чуваша, которые живутъ и учатся въ русскихъ школахъ по 7—15 лѣтъ, однако не забываютъ чувашскаго языка, а тутъ такое явленіе. Не можетъ быть, притворяется, вѣроятно“.

Свое недовѣріе къ заявленію солдата чуваша оправдываетъ фактомъ, имѣвшимъ мѣсто въ томъ же уѣздѣ.

Стояла рабочая пора. Дома была только мать семейства, возвратившаяся съ поля за обѣдомъ для жнецовъ. Въ это время является сынокъ въ солдатской амуниціи. Подходить къ матери и говорить: „здравствуй, матушка“. Та заговариваетъ съ нимъ по-чувашски, потому что ни слова не понимаетъ изъ русской рѣчи сына. Билась бѣдная мать и порѣшила, что съ сыномъ надо говорить, сначала накормивши его. Сварила салму съ молокомъ. Подала на столъ. „Сып, ачам“ („хлѣбай паренекъ“), говоритъ мать. Сынокъ отказывается и все время по-русски. Наконецъ, надоѣло ему глотать слюну, вызванную лакомымъ блюдомъ; черпаетъ полную ложку лакомаго кушанья и въ страшной досадѣ на то, что обварилъ языкъ, чистѣйшимъ чувашскимъ языкомъ промолвилъ: „о, чтобъ тебя съ салмой-то твоей: языкъ обварилъ“. Обрадованная чувашской рѣчью сына мать начинаетъ снова свои разспросы. Салма оказала благотворное воздѣйствіе на сына. Солдатикъ отбросилъ спѣсь и на чувашскомъ языкѣ рассказалъ все, что у него было на душѣ.

Уволенные въ запасъ солдаты изъ чувашъ на первыхъ порахъ пребыванія на родинѣ стараются быть чисто-плотнѣе и опрятнѣе своихъ однодеревенцевъ. Съ теченіемъ времени, однако, они возвращаются къ досолдатскому образу жизни; исчезаетъ и знаніе русскаго языка и солдатская чистоплотность. Причина этого заключается отчасти въ поверхностномъ усвоеніи того и другого, отчасти—въ нечистоплотной средѣ. Болѣе смышленные солдаты размѣщаются по должностямъ—лѣсныхъ и полицейскихъ стражниковъ, иногда даже и урядниковъ. У такихъ избы бываютъ построены по-бѣлому; для цѣлей гостепріимства является и самоваръ. Хорошая распорядительность ихъ по дому стала даже служить предметомъ восхваленій въ пѣсняхъ.

„Домашнія постройки солдата Петра
Издали какъ контора¹⁾.
Кругомъ деревья;
Въ саду амбары.
Кругомъ довольство“.

Военныя событія на Дальнемъ Востоцѣ вызвали тревожныя опасенія за себя и свое семейство у многихъ запасныхъ. Привыкшіи къ сохѣ и мирному труду болѣе, чѣмъ къ военной службѣ, запасный нижній чинъ изъ чувашъ сильно затужилъ. А тутъ еще слухи съ театра военныхъ дѣйствій о раненыхъ и убитыхъ и рассказы возвращенныхъ съ поля битвы раненыхъ... Страшно за себя, но защищать отечество нужно. „Царь знаетъ, что дѣлаетъ. Повелѣлъ воевать съ японцемъ, стало быть такъ нужно“.

Не безъ ужаса предстоящей смерти уходитъ солдатикъ на войну, не безъ рыданій и воплей провожаютъ его родные. Утѣшеніе у всѣхъ одно: „погибнетъ онъ, стало быть, опредѣлилъ Богъ и „Пюлих“²⁾, останется живъ, стало быть еще не пришелъ его часъ“. Бѣдныя семейства поступаютъ на попеченія родныхъ. Но силы послѣднихъ не всегда достаточны для существенной помощи осиротѣвшимъ семьямъ: иной родственникъ самъ-то живетъ всего на 15—30 рублей годового дохода. Нужно привлечь къ благотворительности и чужихъ людей. Какъ достичь

1) Зданіе волостного правленія.

2) Раздаватель судебъ.

этого?—Не разжалобишь, не достигнешь цѣли. Нужно такъ поставить дѣло, чтобы чужой человѣкъ и посочувствовалъ, и поплакалъ, и оказалъ помощь. И вотъ въ чувашляндіи является пѣсня, которая въ оригиналѣ съ красотой формы совмѣщаетъ и серьезное содержаніе. Не лишена она интереса и для русскаго читателя. Поэтому приводимъ ее полностью, какъ можно ближе къ подлиннику.

1. „Птичка ласточка живетъ,
Радуется и пѣсни поетъ.
Ежегодно птенцовъ выводитъ,
Свое гнѣздышко любить.
Но и у нея враговъ
Не одинъ, а нѣсколько:
Ястребъ и сова,
Воронъ и ворона
Птичью кровь проливать
Никогда не перестануть.
Что остерегаться отъ враговъ нужно
И твердо имъ противостоять—
Знаютъ и птицы.
Когда къ ласточкиному гнѣзду
Прилетитъ ястребъ,
Деревенскія ласточки
Вторгнувшася врага
Гонятъ со всѣхъ сторонъ.
2. Любезные содеревенцы!
Вы—мои братья;
Я изъ любви къ вамъ
Не обезчестилъ вашего имени,
Отстаивая честь деревни
Не пожалѣлъ головы своей:
Очувившись въ сильномъ бою,
Едва живъ остался.
3. Пожалѣвъ солдатъ,
И вы поревновали:
Насколько хватило силъ,
Собрали денегъ,
Дали холста
И совершили дѣло любви.
Богъ васъ да благословитъ,
Да подастъ великое счастье.
Что нужно, все да явится (у васъ).
Всѣ живите до старости,
А тамъ войдите въ покой,

- Среди военного народа
И я стрѣлялъ изъ ружья:
„Врагу“, сказали, „такъ и надо“.
Знаки дѣйствія въ бою—
Вотъ мои раны
Предъ вашими глазами.
Помогите же мнѣ
Горемычному солдату.
4. Группы свирѣпыхъ враговъ
Не уходятъ и теперь изъ виду:
Не совсѣмъ еще запекшаяся кровь
Течетъ въ низменное мѣсто.
Уничтожалъ я враговъ,
Силы—красоты не стало.
Когда слушалъ звуки пушки,
Грудь и спина, внутренность моя
День и ночь тряслись.
Если вспоминать все горе,
Свѣтъ (въ глазахъ) чернѣетъ,
Все идетъ кругомъ.
Отъ вражья укола
Меня мой ангелъ сохранилъ.
Не пришло еще опредѣленное Богомъ:
Смерть до меня не дошла;
И раненъ я, а не умеръ.
Пожалѣйте же вы,
Ставъ за одно съ ангеломъ,
Горемычнаго солдата,
Воина Христова.
5. Прежде я былъ здоровъ,
Дѣлалъ всякую работу,
Самъ себя кормилъ.
По злобѣ же врага
Я не въ состоянїи работать.
Помогите же мнѣ,
Обѣднѣвшему солдату.
6. Дѣтки—ребятки наги.
Мысль о томъ, „какъ растить ихъ“,
Не выходитъ изъ головы.
Если ребятки будутъ здоровы,
А мїръ будетъ въ спокойствїи,
Я собрался бы съ силой,
Могъ бы жить:
Дѣтки работали бы
Меня призрѣвали бы.

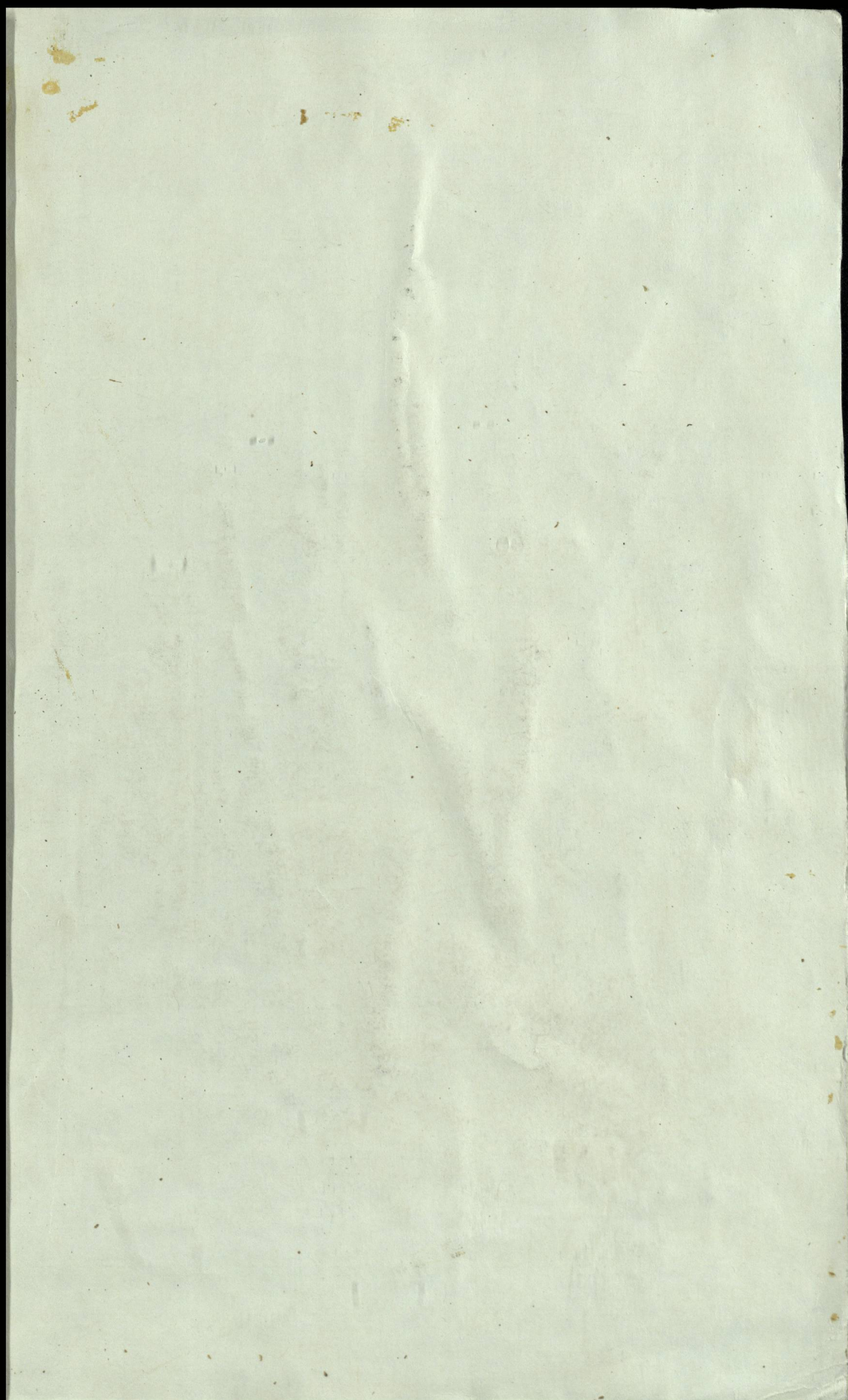

7. Выростить дѣтокъ.
Да благословить Богъ.
Если теперь и трудно,
Пусть будетъ полегче потомъ.
Нашему благовѣрному царю
Въ путешествіи тамъ и сямъ:
Между востокомъ и западомъ,
На родимой сторонѣ
Да будетъ покой и счастье,
Вѣкъ его да будетъ длиннымъ,
А его дѣтушки,—народъ,
Какъ въ гнѣздышкѣ да радуются.
Доседѣ счастливый народъ
Во-вѣки пусть въ счастіи живетъ.
8. Чтобы не быть посмѣшищемъ враговъ,
Какъ только царь оповѣститъ
Богомъ опредѣленные солдаты
Пусть выйдутъ навстрѣчу врагу,
За оставшихся дома людей
Совокупными усилиями за родныхъ
Пусть укрѣпятся и стоятъ.
Да здравствуетъ богатырская слава,
Пусть не исчезаетъ наша слава.
Мы, теперешніе солдаты,
Какъ будто не обезчестили себя.
И впредь богатыри они
—Русскіе солдаты.
Пусть живутъ по нашей мысли:
Пусть не поддадутся врагамъ.
9. Собственнымъ умомъ разсудите:
Если бы не было войска,
Если бы никто не противусталъ,
Враги васъ доселѣ
Уничтожили, перебили бы
Полный домъ ребятишекъ,
Подобно птицамъ въ гнѣздышкахъ,
Вышли и разбились бы.
Ваши строенія кругомъ
Зажглись и погорѣли бы.
Помогите солдатамъ,
Твердынь народа.
10. Горѣ много испытали мы,
Доходили, куда (раньше) не ходили.
Не взирая на зимнюю стужу,
Стояли на великомъ полѣ.

- День и ночь, не отдыхая
Врага уничтожали.
Очень холодно вѣдь зимой,
Раны мерзнуть.
Съ сѣвера вѣтеръ дуетъ,
Съ полуночи снѣгъ несется.
Трескается земля.
Даже солнце на небѣ
Съ трехъ сторонъ краснѣетъ.
Солдатъ все равно выносить,
Онъ вспоминаетъ васъ.
Помогите-же солдату.
11. Какъ покажется врагъ,
И начнетъ передвигаться,
Вмигъ все войско на ногахъ,
Отъ старшаго выходитъ приказъ,
Весь народъ стрѣляетъ вразъ.
Врагъ на землю валится,
Бѣлый разбѣлый снѣгъ покрывается кровью.
Увидѣвъ бѣгство неприятели,
Радуется воинство.
Громогласное „урра!“
Мою душу веселить.
Помогите солдатамъ,
Стоящимъ на стражѣ,
Недопускающимъ врагу
Вторгнуться въ землю нашего царя.
12. Оставшіяся дома дѣти
Ушедшихъ на войну солдатъ,
Вспоминая своихъ отцовъ
Выпытываютъ у матерей.
„Матушка, а матушка, скажи-ка:
Куда ушелъ батюшка?
Масушка, зачѣмъ ты плачешь?
Когда насъ ласкаешь,
Утираешь глаза.
Матушка, матушка, скажи-же,
Куда ушелъ батюшка?“
—Ахъ бѣдные ребята,
Птички во гнѣздышкѣ.
Нутро горить... пожалѣйте..
Что вы теперь знаете.
Вашъ отецъ ушелъ: не знай, придетъ,
Не знай, на пути же помретъ.
Ахъ, душенька, бѣдная душенька,
Увидишь-ли добрый день?

Все нутро взбушевалося,
Чѣмъ бы успокоить мнѣ.
Ласточкины птенцы—дѣтушки,
Пожалѣть-ли кто васъ?
Кто смилостивится бы надъ вами
По гробъ стану поминать.
Ненавистника проклянѣю.
Вокругъ сердца горитъ огонь.
Доколѣ продержится онъ.
Грусть и тоска—съ одной стороны
Да вдобавокъ ѣсть нечего.
Называя солдатской женой
Поѣсть хлѣба не знай, дадутъ,
Не знай, стануть осуждать.
Мольбу сироты
Услышать-ли уши народа.
Пока не выросли дѣти,
Будуть-ли помощники.
Стала-бы я предъ односельчанами,
И со слезами сказала-бы:
Добрые люди, односельчане!
Живите по закону
Небеснаго Царя Бога
И нашего земнаго царя:
Помогите сиротамъ.

СТАЛА ПАЛАТА
РАДКОМЪ ЧЕЛОВѣКЪ

5